

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

К.П. Тиле

Законы развития религии: из лекций

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1907. № 9. С. 313-334.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Законы развитія религіи.

Изъ лекцій † проф. К. П. Тиле.

НѢСКОЛЬКО РАЗЪ указывалъ мимоходомъ на законы развитія. Существуютъ ли такіе законы? И если мы должны допустить, что они существуютъ, то въ состояніи ли мы открыть ихъ съ тѣми средствами, какія находятся въ нашемъ распоряженіи? Иными словами, лежатъ ли они въ сферѣ человѣческаго знанія?

Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ я безъ всякихъ колебаній отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно. Въ «Theologisch Tijdschrift» за 1874 годъ я помѣстилъ статью «Законы развитія религіи», которая въ то время обратила на себя вниманіе даже за предѣлами Голландіи, и многіе были согласны съ ней, хотя другіе были противъ. Это была первая попытка вывести изъ религиозныхъ явленій, не одинъ лишь такой законъ,—что пытались уже сдѣлать и другіе,—а цѣлую систему законовъ

во все дальнѣйшее время имѣвшаго возможность наблюдать его жизнь и дѣятельность, заслуживаетъ серьезнаго вниманія... Составленіе Оброну приписывается Іосафату и въ цит. въ прим. 9 рукописи (л. 13).

Въ приложеніи къ канонизаціонному процессу помѣщены два рукописныхъ сочиненія Іосафата: 1) Reguły S. Iozaphata dla swychъ Presbyterowъ (л. 192 об.—199 об.) и 2) „Катехизисъ отъ слуги Божого Іосафата сочтанный“ (л. 200—210 об.). Эти Регулы и Катихизисъ напечатаны Гепенномъ (I, прил., 3—32), въ переводѣ на латинскій языкъ. Катихизисъ, составленный (по показ. Дороея, стр. 122) Іосафатомъ „для простаго народа“, преслѣдовалъ, между прочимъ, полемическія цѣли (подробное изложеніе ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, 201 об., о главенствѣ въ церкви ап. Петра).

развитія. Было это слишкомъ смѣло, опрометчиво, служило доказательствомъ самонадѣянности нашей еще юной науки? Возможно. Но, если наука не хочетъ оставаться неподвижной, мы должны время отъ времени браться и за трудные вопросы, и по меньшей мѣрѣ пытаться отвѣтить на нихъ. Если отвѣтъ оказывается неудовлетворительнымъ, онъ можетъ служить побужденіемъ къ дальнѣйшему изслѣдованію, и намъ нѣтъ нужды изъ-за этого отчаяваться, что въ концѣ концовъ мы найдемъ вѣрное рѣшеніе. Многое изъ того, что я тогда писалъ, я теперь формулировалъ бы иначе, и во своихъ университетскихъ лекціяхъ по данному вопросу я дѣйствительно не одинъ разъ дѣлалъ соотвѣтствующія измѣненія. И я долженъ теперь признать, что самое названіе статьи было не вполне точно. Я долженъ былъ бы сказать не «Законы развитія религіи»; а «Законы развитія въ ихъ примѣненіи къ религіи». Потому что въ дѣйствительности я и тогда не хотѣлъ утверждать ничего иного, кромѣ того, что законы, которые управляютъ развитіемъ человѣческаго духа, примѣнимы и къ религіи, хотя по формѣ и въ деталяхъ ихъ примѣненіе можетъ и отличаться. Но я и теперь не отказываюсь отъ своей статьи въ ея цѣломъ, и въ принципѣ не измѣнилъ своего мнѣнія. Если бы такихъ законовъ—или назовите ихъ, если угодно, правилами, формами, необходимыми условіями, съ коими связано духовное развитіе — не существовало, и если бы мы были не въ состояніи составить о нихъ извѣстнаго, соотвѣтствующаго дѣйствительности, понятія, то лучше было бы совсѣмъ отказаться отъ науки о религіи, какъ несбыточной иллюзіи. Мы не имѣли бы даже права говорить вообще о развитіи, потому что это понятіе необходимо предполагаетъ понятіе о правилахъ или законахъ.

Есть школа достопочтенныхъ историковъ, которые поставили историческое изслѣдованіе на новые пути и прежде всего настаиваютъ на тщательномъ и основательномъ изученіи первоисточниковъ, — и въ этомъ отношеніи на ихъ сторонѣ всѣ наши симпатіи,—но которые не хотятъ и слышать о такой вещи какъ историческіе законы. Ни одинъ изъ выставившихся въ качествѣ таковыхъ законовъ, говорятъ они, не получилъ общаго признанія; путь, которымъ часто идетъ исторія, не есть непремѣнно законъ, которому она должна всегда слѣдовать; здѣсь не можетъ быть рѣчи о какихъ-либо естественныхъ законахъ, вродѣ закона тяготѣнія; и если бы даже

мы должны были допустить, что такіе законы существуют и дѣйствуютъ, то опредѣлить ихъ было бы внѣ нашихъ силъ. Мой старый другъ и сослуживецъ, покойный профессоръ Асцоу, авторитетъ высшаго ранга среди историковъ христіанства, не могъ безъ улыбки говорить о высшихъ родахъ—какъ онъ, съ ироническимъ своего рода уваженіемъ, называлъ ихъ—историческаго писанія, и особенно о томъ, что онъ называлъ номологической іерографіей. Ни одинъ серьезный историкъ не долженъ утруждать себя вопросомъ о томъ, существуетъ ли законъ, согласно съ которымъ движется исторія. «Пусть философъ занимается этимъ вопросомъ, *если ему угодно*». Хорошо; намъ угодно изслѣдовать этотъ вопросъ, хотя мы и не претендуемъ на званіе философа. Или вѣрнѣе, мы должны это сдѣлать, угодно ли намъ это, или не угодно, потому что это задача и долгъ науки. Если историкъ довольствуется генетическимъ описаніемъ исторіи, и такимъ образомъ исключаетъ свою область вѣдѣнія изъ сферы науки въ собственномъ смыслѣ слова, то онъ воленъ такъ дѣлать; его ограниченіе способствуетъ можетъ быть точности и достовѣрности его результатовъ. Но хотя мы и благодарны ему за эти результаты и признаемъ, что они заслуживаютъ тщательнаго вниманія, тѣмъ не менѣе отказываемся довольствоваться ими и считаемъ своимъ долгомъ задаться дальнѣйшимъ вопросомъ, чему же они учатъ насъ относительно развитія человѣческаго духа въ различныхъ направленіяхъ.

Постараемся, однако, точнѣе понять другъ друга. Наука о религіи есть наука не естественная, а умственная, и потому здѣсь не можетъ быть и рѣчи о естественныхъ законахъ. Механическій элементъ здѣсь всецѣло исключается. Я не утверждаю, что явленія исторіи, и въ частности исторіи религіи, повторяются съ такою же регулярностью, какъ день и ночь, зима и лѣто. Попытки, какія дѣлались, доказать это статистикой браковъ, самоубійствъ, случаевъ сумасшествія, преступленій, за извѣстный промежутокъ времени, я считаю крайне неудачными. Точно также я совершенно далекъ, на примѣръ, отъ утвержденія, каковое иногда высказывалось, что покровительственная система является всегда величайшимъ врагомъ прогресса. Можно дѣйствительно доказать, что она часто вредила процвѣтанію народовъ, затрудняла ихъ сношенія и препятствовала болѣе высокому развитію ихъ индустріи; и мы въ правѣ предполагать, что то же будетъ и всегда *при*

тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ. Но могутъ быть условія, при которыхъ она можетъ оказать великую пользу, поощряя зарождающуюся промышленность, предотвращая гибельныя послѣдствія неравной борьбы, недобросовѣстной конкуренціи, и недостойныхъ интригъ. Такъ точно и въ сферѣ религіи. И здѣсь изъ часто встрѣчающихся явленій выводились неоправданныя заключенія. Духовенство и богословы часто противодѣйствовали спасительнымъ реформамъ; этого наблюденія для многихъ было достаточно, чтобы вывести отсюда, что теологія гибельна для религіи, и что духовенство всегда есть зло. Нерѣдко оказывалось, что то, противъ чего сначала вооружалась и государственная и церковная власть какъ противъ ложнаго ученія и ненавистной ереси, въ дѣйствительности представляло истину, долгое время неправильно понимаемую, и что она не только не причиняла ущерба религіозной жизни, а напротивъ возвышала и очищала ее; но мы можемъ признать это, не рассматривая какъ законъ, что еретики всегда правы, какъ то дѣлаетъ одинъ извѣстный церковный историкъ. Чистота и строгость нравовъ иногда, повидимому, падаютъ съ возрастаніемъ извѣстнаго рода религіозности, — но только повидимому, потому что если здѣсь есть какое-нибудь отношеніе причины и слѣдствія, то было бы какъ разъ обратное; — но это явленіе, вслѣдствіе недостаточнаго наблюденія, нѣкоторыми такъ называемыми философами было принято какъ достаточное основаніе для заключенія, что религія вредна для нравственной жизни. Эти примѣры легко было бы умножить. Но столь же легко видѣть, что здѣсь на самомъ дѣлѣ не можетъ быть и рѣчи о законахъ. Это не болѣе лишь, какъ доктринаризмъ, вредный какъ для научнаго изслѣдованія, такъ и для практической жизни.

И прежде всего, не должно забывать, что законы исторіи суть нѣчто совершенно иное, чѣмъ законы развитія. Допустимъ, что первые, — если предположить, что они существуютъ и дѣйствуютъ, — не могутъ быть открыты нами; допустимъ, что мы не имѣемъ никакого права говорить, что то, что случилось сотни и тысячи разъ извѣстнымъ образомъ, должно и всегда совершаться точно такимъ же образомъ; допустимъ, что мы не можемъ опредѣлить точными законами того, что должно случиться, поскольку послѣднее зависитъ не только отъ условій, которыя мы можемъ опредѣлить, но еще и отъ неподдающагося учету элемента индивидуальности, личной

свободы каждаго индивидуума, и что все это, слѣдовательно, лежитъ за предѣлами нашего пониманія и превосходить силы нашего ума. Но ни одинъ разумный человѣкъ не будетъ отрицать, что наилучшимъ дарованіямъ требуется руководство мудростью, образовываться и усовершенствоваться, что они должны имѣть достаточно широкую сферу дѣятельности, чтобы имѣть возможность показать себя, и что это и есть законъ развитія. И дѣйствительно, извѣстное изреченіе, выражающее ту мысль, что знаменія времени не менѣе достовѣрны, чѣмъ и знаменія неба, предполагаетъ уже, что не случай или капризь, а Богъ управляетъ человѣческимъ родомъ по рациональнымъ законамъ, т. е. по законамъ, постижимымъ для нашего разума. И наука о религіи, если она не хочетъ потерять своего мѣста въ качествѣ науки, должна попытаться прослѣдить ихъ; она должна дать себѣ отчетъ относительно законовъ, которые имѣютъ силу и въ этой области; должна показать условія, которымъ подчинено развитіе религіи, и опредѣлить, въ чемъ дѣйствительно заключается религіозное развитіе. Исторія религіи совсѣмъ не то, что Old Curiosity Shop (Магазинъ старинныхъ рѣдкостей). Она есть нѣчто совершенно иное, нежели простое лишь собраніе со смысломъ и вкусомъ расположенныхъ древностей; она есть изъясненіе религіозной жизни человѣка, и потому является достойнымъ предметомъ для философскаго изслѣдованія. Достигла ли она уже опредѣленныхъ результатовъ? Открыли ли мы уже такіе законы? Прежде я давалъ на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ, и не буду отрицать этого теперь. Но позвольте мнѣ въ настоящее время считать это открытымъ вопросомъ и говорить менѣе положительно. Мы пытаемся теперь построить не систему, а начертать лишь введеніе въ науку о религіи. И дѣлая такъ, мы не имѣемъ нужды боязливо скрывать то, что по нашему убѣжденію уже открыто; но мы должны имѣть въ виду нашу главную задачу—намѣтить тотъ путь, которымъ должны мы слѣдовать, чтобы сдѣлать открытія. А чтобы сдѣлать хоть малѣйшій прогрессъ въ какой бы то ни было наукѣ, мы пользуемся тѣмъ, что вполнѣ справедливо называется рабочей гипотезой. Поэтому и я въ настоящее время предлагаю вамъ законы развитія, которые были встрѣчены съ столь сильнымъ недоувѣріемъ, просто лишь какъ неизбѣжныя рабочія гипотезы. Антропологическія и историческія наблюденія представляютъ намъ разные проблемы, которыхъ мы не можемъ

оставлять безъ попытки рѣшенія. Необходимо смотрѣть такимъ проблемамъ въ лицо. Одинъ лишь фактъ знанія ихъ, и особенно точнаго ихъ описанія, приносить уже благіе результаты. Это мы и стараемся сдѣлать, не безъ указанія однако нѣкоторыхъ данныхъ для ихъ рѣшенія.

Первый вопросъ, который возникаетъ здѣсь, заключается въ слѣдующемъ: какое вліяніе развитіе въ другихъ областяхъ оказываетъ на развитіе религіи? Что такое вліяніе существуетъ, не требуется никакого доказательства. Что оно неизбѣжно, это слѣдуетъ изъ одного того уже факта, что человѣческой умъ, какъ бы ни различны были его дѣйствія, въ дѣйствительности является единымъ; и мы говоримъ здѣсь конечно только объ умственномъ развитіи, а не о физическомъ развитіи человѣка просто лишь какъ животнаго. Теперь, даже и въ томъ случаѣ, когда объ этомъ послѣднемъ нѣтъ никакой рѣчи, порой дѣлаютъ различіе между матеріальнымъ и духовнымъ или интеллектуальнымъ, эстетическимъ и моральнымъ, развитіемъ — между прогрессомъ въ индустріи и внѣшнемъ благосостояніи, каковой называется матеріальнымъ, и прогрессомъ въ наукѣ, философіи, искусствѣ и морали, каковой зовется духовнымъ. Для такого различія нѣтъ, однако, основаній, или по меньшей мѣрѣ оно неточно. Всякое истинное развитіе есть развитіе духовное; и даже то, что называется матеріальнымъ развитіемъ, представляетъ ничто иное, какъ развитіе человѣческаго духа, направленного къ матеріальнымъ цѣлямъ и открывающагося въ разнообразныхъ изобрѣтеніяхъ, которыя облегчаютъ взаимное общеніе, украшаютъ жизнь, и дѣлаютъ ея наслажденія доступными все болѣе и болѣе широкимъ кругамъ. Они свидѣлствуютъ о возрастающемъ господствѣ человѣческаго духа надъ физической природой. Вотъ почему они не должны быть исключаемы при настоящемъ нашемъ изслѣдованіи. Вліяніе такого прогресса должна испытывать и религія, хотя, безспорно, она связана съ нимъ менѣе тѣсно, чѣмъ съ прогрессомъ философскимъ и этическимъ. Всѣ эти виды человѣческаго развитія могутъ обниматься словомъ цивилизація, понимаемымъ въ самомъ широкомъ его смыслѣ, такъ что вопросъ нашъ можетъ быть поставленъ такимъ образомъ: какое вліяніе оказываетъ цивилизація на развитіе религіи?

Отвѣтъ, который тысячи людей давали и теперь еще даютъ на этотъ вопросъ, рѣшительно неблагопріятенъ. Всякая цивили-

дизація, говорятъ они,—увеличиваетъ ли она наслажденіе жизнью, заставляя матерію все болѣе и болѣе служить ей, услаждаетъ ли взоръ и слухъ созданіями прекрасныхъ искусствъ и музыки, пытается ли регулировать все раціональной мыслью, стремится ли установить ученіе о нравственности независимо отъ божественнаго закона,—оказываетъ вредное дѣйствіе на религію, искажаетъ и портитъ ее, препятствуетъ ея развитію, оказывается даже враждебна ей, и, если бы предоставить ей полный просторъ, скоро совсѣмъ бы положила ей конецъ. Этотъ взглядъ совершенно естествененъ и понятенъ. Онъ происходитъ отъ двухъ различныхъ причинъ. Во-первыхъ, онъ основывается на томъ злоупотребленіи, какое дѣлается изъ прогрессирующей цивилизаціи, равно какъ на одностороннихъ взглядахъ, которые заставляютъ ее принимать враждебное религіи положеніе. Отъ наблюденія людей благочестивыхъ не ускользаетъ, что увеличеніе наслажденій жизни и возрастающая легкость доступа къ нимъ часто ведутъ къ роскоши и распущенности, и, если не теоретически, то по крайней мѣрѣ практически, къ матеріализму; что, когда замѣчается страстная погоня за искусствомъ, и люди ничѣмъ другимъ, кромѣ него, не интересуются, ничего другого не цѣнятъ, и всецѣло увлекаются имъ, страдаетъ серьезность жизни и теряется чувство добра и истины. Они слышатъ, какъ наука, — не настоящая наука, которая скромна, и чѣмъ дальше идетъ впередъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе видитъ, что хотя она и знаетъ больше, чѣмъ прежде, но что столь же много остается неизвѣстнаго, а наука поверхностная, которая усваиваетъ и парадировать на половину лишь понятыя результаты чужихъ изслѣдованій, — слышатъ, какъ она громко заявляетъ, что религія сыграла уже свою роль, что вѣра не болѣе какъ воображеніе, и что одна только наука можетъ разрѣшить всѣ загадки жизни. Они видятъ, какъ другіе бросаютъ всякую религію, чтобы замѣнить ее извѣстнаго рода философіей или независимой, какъ они говорятъ, доктриной морали. И боясь совсѣмъ потерять свою религію, это драгоцѣннѣйшее наслѣдіе своихъ отцовъ, восклицаютъ: *Vindicamus haereditatem patrum nostrorum!* и съ отвращеніемъ отворачиваются отъ цивилизаціи, которая, по ихъ убѣжденію, можетъ происходить только отъ лукаваго.

Другая причина лежитъ въ нихъ самихъ, въ ихъ собственной близорукости. Они не видятъ того, что та форма религіи, въ которой они воспитаны, и которой преданы всѣмъ сердцемъ

и душой, представляет лишь одну изъ формъ религіи, и что сама религія совершенно не зависитъ отъ такихъ формъ; что формы могутъ измѣняться и разнообразиться безъ ущерба тѣмъ вѣчнымъ идеямъ и бессмертнымъ стремленіямъ, которыя составляютъ сущность религіи. Они скорѣе чувствуютъ, нежели понимаютъ, что ихъ форма религіи, которую они отождествляютъ съ самой религіей, не согласуется уже съ настоящей ступеню цивилизаціи, а соотвѣтствуетъ болѣе старой ступени и основывается на совершенно иномъ взглядѣ на міръ и жизнь, сравнительно съ тѣмъ, какой сталъ теперь господствующимъ среди болѣе образованнаго общества. Естественно, что они со страхомъ избѣгаютъ вліянія всего того, что, по ихъ мнѣнію, должно подрывать единственно истинное выраженіе божественной истины.

Исторія народовъ и религій свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи такого рода воззрѣній. Они проявляются въ томъ презрѣніи и отреченіи отъ міра, о которомъ постоянно твердятъ суровые пророки покаянія, монахи и пустынники, піетистическія секты и церкви, китайскіе Тао-ссе, индійскіе Йаты, Йогины, Ниргрантики, Сраманы, Бхикшу, или какъ бы они еще ни назывались, Ессеи, Терапевты, Гераклисты, соперничавшіе ордена средневѣковыхъ монаховъ, Квакеры и Герингутеры, и разные родственные имъ религіозные фанатики новѣйшаго времени. Они проявлялись далеко не такъ невинно въ преслѣдованіи друзей Перикла, философа Анаксагора и скульптора Фидія, въ чашѣ яда Сократа, въ мученическомъ кострѣ Джіордано Бруно, равно какъ во всѣхъ тѣхъ кровавыхъ ужасахъ, которые учиняли защитники подвергавшихся опасности формъ религіи, безсознательно обнаруживая тѣмъ недостатокъ своей вѣры.

Недавно въ *Preussische Jahrbücher* была напечатана достопримѣчательная статья страсбургскаго профессора Карла Будде о номадическомъ идеалѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Это—идеаль строгихъ Ягве-почитателей, которые всѣми силами старались поддержать ту древнѣйшую и простѣйшую форму своей религіи, къ коей они были привязаны. Этотъ идеаль довольно ясно еще просвѣчиваетъ въ разныхъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта. Но нигдѣ это воззрѣніе не доведено до такой крайности, какъ у Ионадава, сына Рехавова, основателя секты Рехавитовъ, который одобрялъ Иуя, когда послѣдній истреблялъ сыновей Ахава и служителей Ваала. Чтобы сохранить свою религію

въ чистотѣ, Рехавиты жили въ шатрахъ, запрещали земледѣ-
ле, и воздерживались отъ вина, не вслѣдствіе аскетизма, а
потому, что винодѣліе соединялось съ служеніемъ Ваалу. Въ
данномъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ отреченія отъ извѣстнаго
рода соціальной жизни, какъ угрожающей опредѣленной формѣ
религіи, соединеннаго въ то же время съ безопаднымъ истре-
бленіемъ тѣхъ, кто уклоняется отъ этой формы. Во имя ре-
лигіи здѣсь столь же рѣшительно предписывается пастушеская
жизнь, какъ у заратустрианъ-иранцевъ предписывалось земе-
дѣліе въ качествѣ единственнаго рода занятія, угоднаго Агура
Маздѣ. Но что же это показываетъ намъ? То, что столь упор-
ное противодѣйствіе успѣхамъ цивилизаціи оказывается небла-
гопріятнымъ для развитія религіи. Оно можетъ, правда, обез-
печить данной формѣ религіи до извѣстной степени ея чистоту,
но въ то же время обрекаетъ ее на застой. Мы можемъ от-
носиться съ уваженіемъ къ стойкости суровыхъ сыновъ пу-
стыни, которые отрекались отъ всѣхъ удобствъ и удовольствій
осѣдлой жизни, чтобы имѣть только возможность служить Богу
своихъ отцовъ по образцу старины. Но мы должны согласиться
съ профессоромъ Будде въ томъ отвѣтѣ, какой даетъ онъ на
вопросъ, было ли бы благотворно для религіи, если бы Из-
раиль усвоилъ пастушескій идеалъ Ионадава бен-Рехавы. «Не-
сомнѣнно, нѣтъ»,—говоритъ онъ. «Правда, такимъ образомъ
былъ бы утвержденъ чистый ягвизмъ, но только путемъ уни-
чтоженія всѣхъ зародышей и задатковъ высшаго развитія,—
ягвизмъ отжившаго типа, отъ котораго мы съ ужасомъ отско-
чили бы, если бы встрѣтились съ нимъ въ дѣйствительной
жизни». То были другіе, кто развилъ и обогатилъ ягвизмъ,
безъ малѣйшаго, при этомъ, уцѣрба его чистотѣ. То были ве-
ликіе пророки восьмого и слѣдующихъ вѣковъ, изъ коихъ двое
раннѣйшихъ, Осія и Исаія, хотя и исходятъ еще изъ пасту-
шескаго идеала, учили видѣть въ Ягве Господа своей земли,
дивными дарами котораго люди безбоязненно могутъ наслаж-
даться какъ Его благословіемъ.

Изъ всего сказаннаго мы должны сдѣлать тотъ выводъ,
что отдѣлять религію отъ всего остальнаго человѣческаго раз-
витія, устранять ее всецѣло отъ вліянія цивилизаціи, это зна-
читъ давать возможность сохранить извѣстную форму религіи,
которая не соотвѣтствуетъ уже болѣе измѣнившимся условіямъ
цивилизации, но въ то же время неизбѣжно обречь ее на
застой. Люди имѣютъ полное право защищать свою религію

противъ разслабляющихъ вліяній роскоши, противъ чувственныхъ прелестей искусства, противъ раціонализма односторонней науки, противъ скептицизма философіи и притязаній независимой доктрины морали, и путемъ полнѣйшаго отверженія всего этого они могутъ дѣйствительно достигнуть своей цѣли. Но это—радикальная мѣра, лишающая религію всѣхъ тѣхъ выгодъ, какія можетъ получить ея развитіе отъ истинной и здоровой цивилизаціи. Это то же, что по нѣмецкой пословицѣ «вылить ванну, да и ребенка съ ней». Мудрые духовные вожди Израиля и другихъ народовъ скорѣе, можетъ быть, чувствовали это, нежели ясно сознавали, но они дѣйствовали съ тактомъ и разсудительностью, измѣняя свои религіозныя представленія и взгляды соотвѣтственно съ новыми воззрѣніями на жизнь и міръ, вызывавшимися прогрессомъ цивилизаціи. И дѣйствительно, религія можетъ только выиграть, если будетъ идти навстрѣчу тѣмъ вліяніямъ, какія оказываютъ смягченіе нравовъ, возвышеніе нравственныхъ взглядовъ, очищеніе артистическаго вкуса, свѣтъ науки и смѣлыя умозрѣнія философіи. Всякое развитіе, включая сюда и развитіе религіи, совершается путемъ ассимиляціи.

Чтобы показать детально, какъ эта истина подтверждается свидѣтельствами исторіи, или лучше—какъ она является плодомъ историческаго изслѣдованія,—для этого требовалось бы написать особую книгу. Поэтому я кратко коснусь только нѣкоторыхъ главныхъ пунктовъ. Ученіе о Богѣ и вещахъ божественныхъ дѣлается все болѣе яснымъ и опредѣленнымъ, и въ то же время болѣе глубокимъ и простымъ; дикія, беспорядочныя, неопредѣленныя, постоянно мѣняющіяся представленія необузданной фантазіи просѣваются, упорядочиваются и сводятся къ нѣсколькимъ главнымъ догматамъ, затѣмъ къ максимамъ, и наконецъ къ принципамъ и къ одному высшему принципу. Представленіе о Богѣ дѣлается болѣе раціональнымъ и возвышеннымъ; изъ грубочувственнаго оно дѣлается все болѣе и болѣе духовнымъ, изъ всецѣло или отчасти животнаго все болѣе и болѣе человѣческимъ и сверхчеловѣческимъ, и по мѣрѣ того, какъ становится живѣе сознаніе высшихъ свойствъ человѣческой природы, послѣднія приписываются въ полномъ совершенствѣ и божеству. По мѣрѣ того, какъ развивается высшая культура, въ лучшемъ смыслѣ слова, по мѣрѣ того, какъ ростъ знанія, просвѣтлѣніе взглядовъ, развитіе артистическаго вкуса, повышеніе нравственнаго чувства и господство

надъ природой порождаютъ въ человѣкѣ все болѣе и болѣе высокое сознаніе своей цѣны, какъ человѣка, существенно измѣняется и его представленіе о своемъ отношеніи къ боже-ству. Страхъ постепенно уступаетъ теперь свое мѣсто довѣ-рію, рабская покорность смѣняется преданностью, не менѣе пламенной, но приистекающей изъ болѣе чистаго источника, и потому добровольной. Человѣкъ не смотритъ уже на Бога только какъ на всемогущаго владыку, слѣпота каприза коего онъ долженъ бояться, и непостижимый гнѣвъ коего онъ дол-женъ стараться отвратить, а взираетъ на Него какъ на святое существо, очи котораго слишкомъ чисты для того, чтобы смотрѣть на неправду, и предъ которымъ долженъ трепетать только грѣшникъ въ сознаніи своей виновности. Когда нрав-ственность перестаетъ быть закономъ и находить полное выра-женіе и завершеніе во всеопредѣляющемъ принципѣ любви, и такимъ образомъ изгоняется въ то же самое время всякій евдемонизмъ, всякое желаніе награды, тогда отношеніе чело-вѣка къ Богу становится отношеніемъ дѣтей къ отцу, кото-рый любить ихъ, и котораго, въ свою очередь, любятъ они, и человѣкъ ищетъ своей награды единственно только въ выпол-неніи своего назначенія, и своего блаженства только въ обще-ніи съ своимъ Творцомъ.

Не такъ скоро слѣдуютъ за прогрессирующей цивилиза-ціей религіозные обряды, установленія, обычаи,—словомъ, фор-мы культа. Первоначально ученіе, культъ и обряды близко родственны между собою, поскольку происходятъ изъ одного и того же религіознаго расположенія и отвѣчаютъ однимъ и тѣмъ же духовнымъ потребностямъ. Но если твердо держатся системы доктрины и традиціонные догматы, то религіозные обряды и установленія держатся еще тверже. Религіозные взгляды и представленія измѣняются на первыхъ порахъ не-замѣтно и болѣе или менѣе безсознательно; съ теченіемъ вре-мени, однако, эти измѣненія становятся столь значительны, что вѣрные приверженцы старой системы начинаютъ замѣчать ихъ и возгарается борьба. Но формы культа держатся гораздо дольше, часто очень долгое время послѣ того, какъ перестали уже удовлетворять живымъ потребностямъ и такимъ образомъ совершенно потеряли свой *raison d'être*. Въ концѣ концовъ, однако, и въ данномъ случаѣ пропасть становится слишкомъ велика, чтобы остаться незамѣченной, и старыя формы и учре-жденія замѣняются наконецъ новыми, хотя и не безъ упор-

ной часто борьбы, или даже настоящей революціи. Достопримѣчательно, однако, какъ поздно это происходитъ, какъ долго уродливыя старыя изображенія, совершенно изгнанныя изъ домашняго обихода и городскихъ площадей, сохраняются въ храмахъ какъ особенная святыня; какъ долго символы и изображенія вещей, оскорбляющихъ чувство благопристойности, терпятся въ святыхъ мѣстахъ и богослужебныхъ обрядахъ, не возбуждая общаго соблазна; какъ долго въ богослуженіи удерживаются варварскіе, кровавые, грубочувственные обряды, давно уже осуждаемые и запрещаемые и закономъ и нравственностью въ обычныхъ людскихъ отношеніяхъ. Многіе даже соблазняются, если ихъ царь не хочетъ болѣе допускать, чтобы его Богъ обиталъ въ шатрѣ или простой загородкѣ, когда самъ онъ живетъ въ домѣ изъ кедра или роскошномъ дворцѣ, или если Перикль обращается къ помощи лучшихъ скульпторовъ и архитекторовъ, чтобы достойно изобразить и укрыть боговъ. Иудеи и христіане, которые почитали своего Бога слишкомъ высокимъ и святымъ, чтобы изображать Его въ какой-нибудь видимой формѣ, представлялись для грековъ и римлянъ не многимъ лучше безбожниковъ. Религія, которая не требуетъ никакой другой жертвы кромѣ всецѣлой преданности сердца и жизни; которая не придаетъ никакого значенія установленнымъ формамъ молитвы, которыя человѣкъ безсмысленно бормочетъ и бесконечно повторяетъ, при чемъ нельзя пропустить ни единого слова, чтобы не уничтожить всю ихъ силу; религія, которая напротивъ, разрѣшаетъ всякую форму молитвы, лишь бы только она исходила отъ благоговѣйнаго сердца и чистой души,—такая религія на первый взглядъ, въ глазахъ многихъ, не есть даже совѣтъ и религія. Словомъ, вліяніе общаго развитія или цивилизаціи проявляется во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни, но въ религіи позже всего, потому что религія глубже всего коренится въ человѣческомъ духѣ и неразрывнѣйшимъ образомъ связана съ человѣческой личностью. И здѣсь мнѣ припоминается очень удачное выраженіе, сказанное извѣстнымъ французскимъ ораторомъ Аванасіемъ Кокерелемъ (Coquerel): «Чтобы заставить меня измѣнить мое мнѣніе, вамъ нужно только привести убѣдительныя доказательства, что оно ложно; но чтобы лишить меня моего религіознаго убѣжденія, *il faut me déchirer de haut en bas*».

Какъ бы поздно, однако, ни приходили реформы, которыхъ

требуетъ подвинувшаяся впередъ культура въ области религіи, равно какъ и въ другихъ областяхъ, они все же должны придти. Прогрессъ въ интеллектуальной, эстетической, этической и даже въ социальной и политической сферахъ, оказываетъ воспитательное вліяніе на религію, и послѣдняя неизбежно въ концѣ концовъ усвоить отсюда все, что дѣлаетъ ея вѣроученіе болѣе яснымъ и глубокимъ, что дѣлаетъ отношеніе человѣка къ Богу и способъ почитанія Его болѣе чистымъ и достойнымъ, что дѣлаетъ религіозное общество болѣе независимымъ и лучше приспособленнымъ къ тѣмъ цѣлямъ, какія оно себѣ намѣчаетъ. Это *должно* случиться. Почему? Потому что человѣческій духъ—единь. Тотъ, кто смотритъ на культуру какъ на что-то чисто внѣшнее, какъ на форму, которой онъ подражаетъ, какъ на моду, которой онъ слѣдуетъ, тотъ пожалуй еще не замѣтитъ ея несоотвѣтствія съ своей традиціонной религіей. Но кто всецѣло усвоилъ ее, кто шелъ въ уровень съ развитіемъ вѣка, тотъ уже не въ силахъ будетъ удовлетворяться религіей, которая еще стоитъ на много низшей ступени. Его знаніе стало болѣе обширнымъ и лучше обоснованнымъ, онъ научился далеко не всѣмъ доступному искусству размышлять, его артистическій вкусъ и нравственное чувство очищены, онъ составилъ себѣ совершенно новый взглядъ на жизнь и міръ. Для него оказывается поэтому невозможнымъ уже терпѣть тѣ дѣтскія представленія и непристойные обряды, какія создала религія прежняго поколѣнія, и онъ чувствуетъ потребность согласовать свою религію съ той культурой, въ которой онъ выросъ. Ему остается одно изъ двухъ—или совершенно отказаться отъ плодовъ развитія, или отъ самой религіи. Рехавиты всѣхъ вѣковъ и народовъ избираютъ первый выходъ. Они скорѣе готовы устраниваться отъ всякаго прогресса, чѣмъ пожертвовать своей религіей, т. е. традиціонной формой религіи, которую они ошибочно отождествляютъ съ самой религіей. Другіе, *esprits forts*, какъ они скромно себя называютъ, или свободные мыслители, которые, какъ обычно водится, считаютъ себя свободными со-всѣмъ не мыслить, равно какъ и люди искренно ошибающіеся, которые исходятъ изъ той ложной послышки, что религія можетъ имѣть только одну форму, вмѣстѣ съ которой стоитъ и падаетъ, а съ другой стороны не желаютъ лишаться благъ цивилизаціи, избираютъ второй выходъ и совершенно порываютъ съ религіей. Но человѣкъ не можетъ успокоиться ни

на одномъ изъ этихъ исходовъ, внушенныхъ отчаяніемъ. Онъ не оставляетъ своего дѣла недоконченнымъ, а увѣнчиваетъ каждую ступень развитія тѣмъ, что приводитъ въ гармонію съ нимъ и религію. Влеченіе къ божественному, къ безконечному, которое онъ чувствуетъ въ себѣ, слишкомъ могущественно и властно, чтобы позволить ему довольствоваться такой концепціей о немъ, или такимъ способомъ вступленія въ отношенія съ нимъ, которые противны его развившемуся эстетическому или нравственному чувству, или несогласны съ его научнымъ и философскимъ воззрѣніемъ. И это влеченіе понуждаетъ его соткать соотвѣтственную одежду изъ новаго матеріала. Или, говоря богословскимъ языкомъ: каждой высшей фазѣ общаго развитія соотвѣтствуетъ новое религіозное откровеніе.

И я спрашиваю, идемъ ли мы слишкомъ далеко, или допускаемъ слишкомъ много, если говоримъ, что здѣсь открывается предъ нами высшій законъ развитія въ его примѣненіи къ религіи, законъ *единства духа*? Человѣкъ оказывается въ крайнемъ затрудненіи, которое вскорѣ становится невыносимымъ, когда одна сфера его духовной жизни, въ данномъ случаѣ религіозная, остается далеко позади другихъ—его знанія, его чувства красоты, его нравственности, и основывающихся на нихъ взглядовъ на жизнь и міръ. Мучительное чувство этого внутренняго разлада побуждаетъ его гармонизовать свою религію съ этими взглядами на жизнь и міръ путемъ реформирования ея. Всякая религія, которая не идетъ въ уровень съ цивилизаціею и занимаетъ враждебное положеніе въ отношеніи къ ней, должна хирѣть и чахнуть, если беретъ верхъ послѣдняя; или же, если побѣду одерживаетъ сама религія, ея послѣдователи лишаются благъ этой цивилизаціи. Съ другой стороны, всякая цивилизація, которая пренебрегаетъ религіознымъ элементомъ и довольствуется только прогрессомъ, сдѣланнымъ въ другихъ областяхъ, не приноситъ никакого прочнаго плода и скоро впадаетъ въ застой или приходитъ въ упадокъ. Словомъ, развитіе религіи является необходимымъ завершеніемъ общаго человѣческаго развитія, и въ одно и то же время и требуется и движется имъ.

Но разсматриваемый нами въ настоящее время вопросъ связанъ съ другимъ, который не можетъ быть объясненъ за-

кономъ единства духа и требуетъ поэтому иного объясненія. Я разумѣю въ данномъ случаѣ то, что обособленность препятствуетъ развитію, тогда какъ живое общеніе съ другими обычно содѣйствуетъ ему. Говорю обычно, потому что здѣсь есть исключеніе. которое будетъ отмѣчено впоследствии.

Указанное общее положеніе примѣнимо ко всякому духовному, или лучше, человѣческому развитію. Относительно отдѣльныхъ личностей всякій можетъ наблюдать это въ окружающей его жизни. Человѣкъ, который упорно замыкается въ себѣ самомъ, который не признаетъ никакихъ идей, не образовавшихся въ его собственномъ почтенномъ мозгу, и остается глухъ ко всѣмъ идеямъ и убѣжденіямъ, отличнымъ отъ тѣхъ, въ коихъ онъ воспитался,—такой человѣкъ остается узкимъ и ограниченнымъ, вѣчно вращается въ одномъ и томъ же кругу, и не въ состояніи сдѣлать ни единого шага впередъ. Не требуется большого знанія исторіи, чтобы сказать, что то же самое бываетъ и съ народами. Кто были тѣ народы, которые достигли высшей цивилизаціи, и потому играли наиболѣе важную роль въ міровой исторіи и стояли во главѣ всѣхъ другихъ народовъ? Не тѣ, которые боязливо удалялись отъ общенія съ другими, или не имѣли случая входить въ соприкосновеніе съ ними, которые пугались всего чужеземнаго и упорно держались преданій своихъ предковъ. Безспорно, это были тѣ только народы, которые или путемъ завоеваній, или путемъ торговли и мореплаванія, или благодаря духовному общенію, входили въ постоянное соприкосновеніе съ другими болѣе или менѣе развитыми народами, и извлекали пользу изъ своего богатаго опыта. Всѣ дѣйствительно историческіе народы древности—египтяне и западноазійцы, китайцы, индійцы, персы, эллины и итальянцы—переселились въ свои историческія мѣста обитанія отычуду, и здѣсь смѣшались съ кореннымъ населеніемъ. Другіе, какъ японцы на востокѣ, или германцы и кельты въ Европѣ, достигли полнаго раскрытія своихъ способностей только благодаря вліянію чуждой культуры, — т. е. китайской и греко-римской, — что слѣдуетъ сказать, впрочемъ, и относительно вышеназванныхъ народовъ. То же самое было и съ первоначальными обитателями Америки. Натчецы Сѣверной Америки, Муїски Южной, Майя и Ацтеки Мексики, Квичуа и Аймары Перу превзошли въ своемъ развитіи остальныхъ сородичей, но всѣ они переселились изъ другихъ мѣстъ въ тѣ страны, гдѣ выросла ихъ

высшая, хотя и грубая культура. Наоборотъ, обитатели Центральной Арабіи, предполагаемой колыбели семитовъ, оставшіеся чрезвычайно долго отрѣзанными отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ, были долгое время самыми отсталыми изъ семитовъ, и только когда для нихъ открылся видъ на широкій міръ, обнаружилось, что это была за высоко одаренная нація. Приблизительно то же самое можно сказать относительно славянскихъ народовъ. Мнѣ нѣтъ нужды приводить дальнѣйшіе примѣры изъ новой исторіи. Они хорошо извѣстны. Народы, которые удаляются отъ иноземнаго вліянія, остаются безъ всякаго движенія; тѣ же, которые—если не путемъ уже завоеваній и переселенія, то путемъ духовнаго общенія, путемъ литературы, науки, миссіи—находятся въ постоянномъ соприкосновеніи съ тѣмъ, что происходитъ вокругъ нихъ въ просвѣщенномъ мірѣ, постоянно идутъ впередъ.

Я не думаю, чтобы кто-нибудь сталъ отрицать это, или по крайней мѣрѣ кто-нибудь изъ людей, способныхъ судить объ этомъ. Но что допустимое относительно общей культуры приложимо и къ религіямъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, это многіе отрицаютъ; и съ этимъ мнѣніемъ нельзя не считаться.

Нигдѣ не господствуетъ такой духъ исключительности, какъ въ религіи. Многіе всѣми силами стараются охранить свою религію отъ соприкосновенія съ другими, чтобы чуждыя, и съ ихъ точки зрѣнія ложныя и еретическія, представленія не помрачили ее и не привели къ упадку. Въ народныхъ религіяхъ древности старались не допускать чужеземныхъ боговъ, не отрицая, однако, при этомъ ихъ существованія и не оспаривая того, что они могутъ быть могущественными, благодѣтельными и достойными почтенія существами въ своей собственной области и для своего народа. Послѣдователи этическихъ религій, съ другой стороны, отвергаютъ всякія божества, со всѣми ихъ разнообразными культами, которыя стоятъ въ противорѣчій съ основными идеями ихъ собственной религіи, или умаляютъ честь ихъ единственно истиннаго Бога или боговъ. И до извѣстной степени это имѣетъ разумныя основанія, и для слабыхъ можетъ быть даже на время необходимо, подъ условіемъ только, если это есть лишь временная мѣра предосторожности, примѣнимая въ извѣстныхъ случаяхъ, и не доходить до абсолютнаго запрещенія. Но исторія религій представляетъ множество подтвержденій тому факту,

что религія всегда дѣйствительно развивалась не иначе, какъ только въ томъ случаѣ, если приходили въ соприкосновеніе нѣсколько различныхъ религій. Хотя такихъ случаевъ очень много, но достаточно будетъ одного наиболѣе яркаго примѣра. Израиль, — религія котораго превосходить своей чистотой и возвышенностью всѣ религій древности и дала начало двумъ другимъ религіямъ, которыя считаютъ милліонами своихъ послѣдователей среди наиболѣе одаренныхъ семействъ народовъ, семитовъ и арійцевъ, — лично былъ знакомъ со всѣми главнѣйшими религіями древности. Израильтяне видѣли, какъ египтяне воскуряли ѳиміамъ предъ быкомъ Хапи Мемфиса, вѣчно-оживающимъ Пта, и предъ Мена-быкомъ Солнца-бога Она; они видѣли, какъ ихъ ханаанскіе сосѣди и соотечественники почитали Вааловъ и Астартъ, и какъ дѣти финикіянъ и моавитянъ шли чрезъ огонь къ своему божеству; на рѣкахъ Вавилона они были свидѣтелями торжественныхъ процессій Марудука и Набу; позднѣе они слышали объ Аурамздѣ, богѣ Кира и Дарія, который наиболѣе походилъ на ихъ собственнаго Ягве; они, — къ великому огорченію и ужасу людей благочестивыхъ, — были очевидцами вторженія въ ихъ святой храмъ на Сіонѣ ассирійскихъ и египетскихъ божествъ со всѣмъ воинствомъ небеснымъ, равно какъ Зевса Олимпійскаго и Юпитера О. М. Капитолійскаго. И не малое число во Израилѣ сами преклоняли колѣна предъ всѣми этими богами, и даже сожигали своихъ дѣтей предъ Молохомъ. Но тѣмъ вѣрнѣе ядро народа держалось своего собственнаго болѣе чистаго богопочитанія. Тѣмъ яснѣе религіозные мыслители во Израилѣ сознавали болѣе высокое и лучшее достоинство, которымъ они обладали. Тѣмъ полнѣе развивались всѣ великіе и славные элементы, которые таились въ зародышѣ въ ихъ собственной религіи. Это, однако, не было простымъ лишь противодѣйствіемъ всѣмъ иноземнымъ культамъ. Напротивъ, они, можно сказать, переняли не мало чуждыхъ элементовъ и приспособили ихъ къ своей собственной религіи. Религіозный горизонтъ ихъ благодаря этому расширился. Концепція объ ихъ національномъ Богѣ была обогащена и вмѣстѣ съ тѣмъ стала болѣе мягкой, служеніе Ему сдѣлалось болѣе возвышеннымъ и благороднымъ. И въ этомъ случаѣ слѣдовательно, какъ и въ дѣлѣ общаго развитія, дѣйствовала болѣе или менѣе сознательно ассимиляція. И какъ было въ

Израиль, такъ было и въ Греціи и Римѣ, у персовъ и германцевъ, такъ было всегда и всюду.

Объясненіе этихъ историческихъ фактовъ вытекаетъ само собою изъ того, что уже было сказано. Но прежде чѣмъ обратиться къ нему, позвольте еще замѣтить, что рѣчь у насъ идетъ здѣсь не о простомъ лишь подражаніи или заимствованіи. Это послѣднее тоже бываетъ, но оно ни къ чему не приводитъ, и не приноситъ никакого плода. Финикіяне одно время во всемъ подражали египтянамъ, не только заимствуя внѣшнія формы ихъ культуры и художественные образцы, но даже замѣняя своихъ собственныхъ боговъ египетскими, или по меньшей мѣрѣ усваяя имъ равное положеніе. То же самое продѣлано было подъ вліяніемъ египетскаго господства древними эѳіоплянами. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ это не оказало ни малѣйшаго вліянія на развитіе религіи. До тѣхъ поръ, пока чуждая система продолжаетъ оставаться чуждой, неувоенной, переработанной, она не способна вести къ высшей духовной жизни, и оказывается даже болѣе плохой, нежели сама первоначальная своя собственная система. Если, съ другой стороны, желательно видѣть примѣръ настоящей и плодотворной ассимиляціи, то стоитъ лишь посмотрѣть, что сдѣлалъ геній грековъ изъ Аполлона и Артемиды Малой Азіи, и какъ они превратили непристойныхъ и суровыхъ Астартъ Западной Азіи въ своихъ Афродиту и Артемиду. Равнымъ образомъ, дѣло идетъ здѣсь не просто лишь объ отношеніи учителя и ученика. Чтобы одна религія могла вліять на развитіе другой, для этого нѣтъ непременно необходимости, чтобы первая была болѣе высокой или болѣе чистой религіей. Сталкиваясь съ болѣе низкой религіей, люди тѣмъ болѣе сознаютъ достоинства своей собственной религіи, и тѣмъ усиленнѣе развиваютъ ее. Доказательство тому представляютъ какъ Израиль, такъ и Еллада. Какъ во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ личностей, такъ и религіи, инородные элементы дѣйствуютъ благотворно. Тѣ, кто достигъ болѣе высокаго развитія, и потому становится выше другихъ, въ одно и то же время и привлекаютъ и отталкиваютъ, но въ концѣ концовъ побѣждаютъ; и сліяніе двухъ формъ религіи, вначалѣ враждебныхъ другъ другу, даетъ начало новому развитію, которое во всякомъ случаѣ будетъ богаче и полнѣе, чѣмъ предшествующее.

Подведемъ итогъ сказанному. Если мы замѣчаемъ, что ду-

ховное взаимообщеніе съ другими способствуетъ развитію, тогда какъ замкнутость и обособленность наоборотъ препятствуютъ ему и часто приводятъ къ застою; если мы замѣчаемъ, что соприкосновеніе не только съ людьми, стоящими на болѣе высокомъ уровнѣ, болѣе высоко одаренными и ушедшими впередъ въ своемъ развитіи, но и съ людьми, стоящими значительно ниже и менѣе одаренными, даетъ могущественный толчокъ развитію, поскольку оно заставляетъ человѣка или общество открывать свои дремлющія силы, и побуждаетъ ихъ лучше пользоваться послѣдними; и если мы видимъ, что все это подтверждается и исторіей религіи, — то здѣсь, думается мнѣ, предъ нами открывается законъ развитія, который приложимъ и къ религіи, — законъ, который я могъ бы формулировать такъ:

«Всякое развитіе, помимо естественныхъ способностей людей и народовъ, является слѣдствіемъ возбужденія, даннаго самосознанію соприкосновеніемъ съ иною, болѣе высокою или болѣе низкой, ступенью развитія».

И если мы перенесемъ этотъ общій законъ въ нашу частную область, то изъ него вытекають два слѣдующихъ практическихъ правила. Во-первыхъ: «высшаго развитія достигаетъ та религія, которая наиболѣе чутка къ истинно религиознымъ элементамъ въ другихъ формахъ»; и во-вторыхъ: «религиозное развитіе лучше всего движется свободнымъ взаимообмѣномъ его разнообразнѣйшихъ проявленій».

Но я предвижу, что многіе, слыша эти правила, будутъ возражать противъ нихъ, и ихъ возраженій нельзя оставить безъ отвѣта. Если религіи, спросятъ они, позволить такимъ образомъ быть постоянно въ общеніи съ искусствомъ, наукой и философіей, съ утонченной, но все-же человѣческой, и потому всегда нѣсколько испорченной цивилизаціей, то не подвергается ли она опасности лишиться своего благоуханія и своей силы, и быть вынужденной, въ угоду своимъ компаньонамъ, нѣсколько ослабить свои строгія требованія и въ извѣстной мѣрѣ утратить свою серьезность? Не должна ли она, оставаясь всегда въ мірскомъ кругу, неизбѣжно загрязниться отъ него, и въ концѣ концовъ омірщиться сама? Не слѣдуетъ ли опасаться, что люди, знакомясь съ столь расходящимися мнѣніями, и ища религиозную истину въ столь различныхъ многочисленныхъ системахъ, не будутъ оставаться вѣрными своей собственной религіи, стануть колебаться въ своихъ убѣжде-

ніяхъ, и въ концѣ концовъ, совершенно запутавшись, будутъ съ отчаяніемъ восклицать: «Что есть истина?» Не поведетъ ли эта свобода мысли къ безпринципности и индифферентности въ отношеніи къ чистотѣ и истинѣ своей собственной религіи, этимъ драгоцѣннымъ плодамъ столь многихъ усилій и столь долгаго и труднаго процесса развитія? Или, оставаясь на нашей строго научной почвѣ,—потому что вышеуказанныя возраженія имѣютъ всѣ практическій характеръ,—не лежитъ ли въ природѣ самой религіи стремленіе удаляться отъ грѣшнаго міра и искать уединенія, воспѣтаго нашимъ набожнымъ поэтомъ Лоденштейномъ?

Уединеніе святое!

Въ общеніи съ Богомъ, я

Хотѣлъ бы быть одинъ съ тобою!

И не будетъ ли религія, предоставивъ вести себя потоку общаго развитія, незамѣтно для себя самой относиться съ небрежностью къ своему собственному внутреннему развитію? Groen van Prinsterer, бывшій руководитель въ то время еще небольшой религіозно-политической партіи въ Голландіи, называвшей себя антиреволюціонной, обычно говорилъ про нее: «въ нашей обособленности лежитъ наша сила». Не приложимо ли это къ религіи всегда и всюду, и не состоитъ ли ея сила какъ разъ именно въ ея обособленности?

Все это я допускаю безъ всякаго спору. Я даже иду еще дальше, и утверждаю, что чѣмъ болѣе религія развивается, тѣмъ болѣе будетъ она возрастать въ томъ, что я могъ бы назвать ея цѣломудріемъ,—другими словами, тѣмъ болѣе будетъ она бояться выставлятъ на показъ любопытствующему взору и невѣжественному суду *profanum vulgus*, часто легкомысленнаго и поверхностнаго міра, то, что она считаетъ своей величайшей святыней. Менѣе всего хотѣлъ бы я, чтобы ею правила какая-нибудь сторонняя сила, и такимъ образомъ она лишилась бы своей независимости; потому что, какъ я покажу это впослѣдствіи, ея независимость увеличивается съ успѣхами развитія и служитъ однимъ изъ признаковъ послѣдняго. И что справедливо относительно религіи вообще, то же слѣдуетъ сказать и о каждомъ религіозномъ обществѣ въ его отношеніи къ другимъ. Нетерпимость отвратительный порокъ, и тотъ, кто требуетъ свободы для себя самого, обязанъ предоставить ее и другимъ. Но каждое религіозное общество,

каждая церковь, если она хочет имѣть какое-либо значеніе и дать что-нибудь религіозному развитію человѣчества, должна быть вѣрна себѣ, должна создавать, твердо сохранять и отстаивать свой собственный характеръ. Это не только ея право, но и священный долгъ.

Не думайте, однако, что это запрещается или не допускается вышеуказанными законами, которые мы пытались вывести изъ исторіи. Тотъ, кто надлежаще оцѣнилъ смыслъ слова «ассимиляція», которое я употребилъ намѣренно, легко пойметъ это. Развитіе, какъ я сказалъ, обусловливается въ своемъ движеніи ассимиляціей; религія ассимилируетъ все, что только есть хорошаго и вѣрнаго въ общей культурѣ; и каждая форма религіи ассимилируетъ все, что только есть хорошаго и вѣрнаго въ другихъ формахъ. Значитъ ли это, что религія должна приноравливаться и примѣняться къ требованіямъ свѣтской культуры, капризамъ измѣнчивой моды, далеко не всегда безспорнымъ приговорамъ науки, или философскимъ системамъ, которыя могутъ быть ниспровергнуты слѣдующимъ же поколѣніемъ? Значитъ ли это, что извѣстная церковь должна просто лишь копировать и заимствовать формы другаго религіознаго общества, его ученіе и культъ, хотя бы они стояли въ противорѣчьи съ ея собственнымъ характеромъ и степенью развитія, или, во всякомъ случаѣ, усвоить извѣстнаго рода эклектизмъ? Я уже на дѣлѣ далъ отвѣтъ на эти вопросы. Ассимиляція есть усвоеніе того, что способствуетъ собственному росту и увеличиваетъ собственное духовное обладаніе. Развитіе, слѣдовательно, не перестаетъ быть чисто внутреннимъ процессомъ.

Что касается практическаго возраженія,—указанія на то, что законъ развитія соединенъ съ опасностью, то мы не отрицаемъ этого,—но опасность здѣсь только для слабыхъ, для тѣхъ, кто не имѣетъ никакого собственнаго религіознаго убѣжденія, для тѣхъ, кто не утвержденъ глубоко и прочно въ своей вѣрѣ. Если вы больны и слабы, оставайтесь въ вашей комнатѣ, и закрывайте плотнѣе окна, потому что свѣжій наружный воздухъ, дыханіе жизни для здоровыхъ, можетъ быть роковымъ для васъ. Такъ точно и въ религіозной жизни. Бываютъ условія и періоды, когда ея замкнутость на нѣкоторое время можетъ быть полезна и даже необходима. Но для живой религіи требуется свѣжій воздухъ духовнаго общенія съ общей культурой и религіознымъ развитіемъ человѣчества.

Всякій ростъ, всякое развитіе, всякая жизнь есть борьба, а никакая борьба не свободна отъ опасностей. Но если сердце или жизненное начало здорово, то оно только укрѣпляется борьбой и въ концѣ концовъ побѣдитъ опасность. Я опять думаю объ израильтянахъ. Ихъ сердце было здорово. Поэтому, концепціи, которыя заставляли слабѣйшихъ среди нихъ сбиваться съ истиннаго пути, были восприняты пророками, одушевленными Духомъ Святымъ, самостоятельно переработаны ими, и послужили къ возвышенію и прославленію ихъ религіи. И эта религія, найдя свое восполненіе и завершеніе, сдѣлалась религіей наиболѣе высокоразвитыхъ народовъ, міра.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки